
— Это не болезнь, — Цинь Фэн с нескрываемым изумлением смотрел на Чу Ханьюэ. — Это радостная весть.

— Радостная? — Чу Ханьюэ нахмурился. — Неужели мои силы возросли? Оказывается, это можно определить даже по пульсу.

Он высвободил запястье и сам приложил пальцы к вене. В ту же секунду он застыл в недоумении, а лицо его окаменело.

— Бессмертный почтенный, как у мужчины может быть плод? Прошу, оставь эти несбыточные фантазии.

— Это не мои фантазии, — Цинь Фэн и сам находил ситуацию невероятной.

Мужчины-заклинатели изредка могли зачать, но это случалось крайне редко; за все десять тысяч лет он ни разу не видел подобного воочию.

— Это твой сон. Неужели ты втайне мечтаешь родить мне дитя?

— Что за... — Чу Ханьюэ едва не сорвался на грубость, но вовремя сдержался. — Не неси чепухи и не смей меня порочить. Ты вошёл в моё сновидение, теперь оно принадлежит нам обоим. Очевидно, мир изменился из-за твоей ауры.

— Такое влияние невозможно, — Цинь Фэн покачал головой, отказываясь принимать вину. — Я никогда не помышлял о детях, но...

— Но что? — Чу Ханьюэ чувствовал, как земля уходит из-под ног. Он никогда не думал о наследниках, и появление такой нелепицы в собственном сне приводило его в ужас.

Цинь Фэн придвинулся ближе и обнял его, нежно посмотрев на живот наставника.

— Но раз уж ребёнок появился, это кажется не такой уж плохой затеей.

— Что в этом хорошего?! — Чу Ханьюэ вспыхнул от гнева и смущения. — Сегодняшний сон — лишь нелепая случайность. Завтра от него не останется и следа.

Пока он возмущался, Цинь Фэн осторожно, через ткань одежд, коснулся его живота.

Ощущение было странным: живот оставался плоским, но внутри отчетливо теплилась крохотная искорка жизни.

— Если это только сон, — прошептал Цинь Фэн, — может, он родится уже сегодня?

— Даже не мечтай! — Чу Ханьюэ с силой оттолкнул его. — Убери руки.

Несмотря на абсурдность ситуации, Цинь Фэн не мог скрыть радости. Раз Чу Ханьюэ привиделось подобное, значит, даже в беспамятстве он не переставал думать о нем. А главное — подсознательно признал их союз.

На следующее утро, едва открыв глаза, Чу Ханьюэ первым делом ощупал свой живот. Вчера в мире грёз он ясно чувствовал пульсацию новой жизни, но сейчас там было пусто. Он быстро проверил собственный пульс — ровный, спокойный. Никаких признаков беременности.

Ханьюэ облегченно выдохнул, а затем невольно усмехнулся. До чего же он дошёл, раз ему снятся такие безумства? Совсем рассудок потерял.

Обычно после снов с Бессмертным почтенным он просыпался поздно. Чу Ханьюэ полагал, что Цинь Фэн всё ещё спит, но, выйдя во двор, обнаружил его вместе с Чёрным змеем. Оба сидели в позе для медитации с закрытыми глазами.

— Решили вздремнуть на свежем воздухе? — окликнул их Ханьюэ.

Змей открыл глаза и лукаво улыбнулся:

— Бессмертный господин, мы предаёмся раздумьям.

Цинь Фэн не шелохнулся, выглядя глубоко сосредоточенным:

— Наставник, я размышляю. Я зазубрил те заклинания, что вы мне дали, но ни разу не пробовал применить их на деле.

— Ты ещё не обучен жестам, поэтому и не можешь их использовать.

Чу Ханьюэ сорвал сухую ветку с дерева, прошептал несколько слов, и сук мгновенно покрылся сочной зеленью, на которой распустились нежно-розовые цветы персика. Протянув цветущую ветвь ученику, он добавил:

— В том свитке описана Магия превращений. Для начала попробуй простейшую Технику отвода глаз. Это лишь морок, попытайся.

Цинь Фэн взял ветку, и в его руках она снова стала сухой и безжизненной. Он повторил слова заклинания, копируя интонации наставника, но сук лишь едва заметно пустил пару крошечных почек.

— Наставник, это так трудно, — Цинь Фэн жалобно посмотрел на него. — Не могли бы вы поучить меня лично? Ну, знаете... направляя мою руку, как тогда, когда учили писать.

Чу Ханьюэ разочарованно покачал головой:

— Раньше я чувствовал в тебе задатки бессмертной энергии и решил, что ты подходишь для пути совершенствования. Видимо, я ошибся. Что ж, через несколько дней я отправлю тебя вниз, в мир людей.

Стоило ему это сказать, как Цинь Фэн встрепенулся. Он резко взмахнул веткой, по двору рассыпалось золотистое сияние, и в его руках сухая палка превратилась в пышную алую розу.

— Наставник, кажется, я уловил суть, — произнес он, протягивая цветок.

Чу Ханьюэ взял розу и, к своему изумлению, почувствовал тонкий аромат. Это не было простой Техникой отвода глаз начального уровня. Он помнил, что сам в первый раз преуспел в этом заклинании, но его творение можно было лишь видеть — оно не имело ни веса, ни запаха. Он внимательно всмотрелся в лицо Цинь Фэна. Нет, интуиция его не обманула — у этого парня был талант.

Ученик гордо вскинул голову, ожидая заслуженной похвалы.

Ханьюэ кивнул:

— Неплохо. Раз уж ты всё понял, вернись в комнату и напиши подробный отчёт о своих изысканиях.

Цинь Фэн опешил:

— Что?

— Без повторения знания быстро выветриваются, — Чу Ханьюэ ободряюще похлопал его по плечу. — Не задирай нос, нужно твердо стоять на земле. Один успех ещё ничего не значит.

По выражению лица наставника казалось, что он хвалит, но слова...

Чёрный змей, наблюдавший за сценой со стороны, не выдержал и прыснул. Поймав на себе ледяной взгляд Цинь Фэна, он тут же сник и поспешно скрылся.

— Наставник, я уже вполне освоился, — Цинь Фэн поднял с земли обычный камень и на глазах у Ханьюэ превратил его в букет свежих цветов. — Может, обойдёмся без писанины?

Чу Ханьюэ принял подношение — на этот раз цветы выглядели ещё реалистичнее.

— Раз так, значит, тебе тем более есть что сказать. Напиши на тысячу иероглифов больше обычного. Я хочу видеть, как именно ты этого добился; возможно, в будущем я воспользуюсь твоим методом при обучении других учеников.

— Наставник, вы собираетесь брать кого-то ещё? — Цинь Фэн почувствовал укол ревности. Сама мысль о том, что Ханьюэ будет тратить время и силы на кого-то другого, была ему неприятна.

— Да, — кивнул тот. — В следующем году придёт новая группа адептов, их отберет глава секты.

— Но почему при твоём мастерстве место главы занимает младший брат? — Цинь Фэн искренне не понимал этого. Раньше он думал, что Ханьюэ просто не любит суету, но позже заметил: ни одно дело на горе Юньцзянь не решается без его ведома. Его власть была фактически безграничной, так зачем отдавать титул другому?

— Быть главой — значит навсегда отказаться от вознесения. Лянь Гуанмань многим пожертвовал.

Чу Ханьюэ взял Цинь Фэна за предплечье и слегка сжал.

— Ты слишком тощ. Отныне выделяй по несколько часов в день и пробегай круг вокруг горы Юньцзянь.

— Круг?! — Цинь Фэн ковырнул в ухе, решив, что ослышался.

Без использования магии, в этом немоющем теле, он и к закату не закончит такой забег. А ведь ещё нужно писать отчёт! Чу Ханьюэ явно решил его извести.

— Именно, — Ханьюэ не видел в своём распоряжении ничего предосудительного. — Учитывая твою худобу, я не заставляю тебя брать груз. Всего один круг, это просто. Начинать сегодня.

Цинь Фэн бежал вниз по склону с мрачным лицом. В голове роились мысли о том, что ночью наставнику придётся за всё ответить. Он не остановится до самого рассвета, пока сполна не получит свою компенсацию.

В этот момент тихий свист прорезал воздух, и камень, пущенный чьей-то рукой, едва не задел его ухо. Цинь Фэн лишь вскинул бровь и, не сбавляя темпа, продолжил путь. Следом прилетел ещё один снаряд, но он легко уклонился, даже не оборачиваясь. После нескольких неудачных попыток нападавшие не выдержали и выскочили на тропу, преградив ему дорогу.

Перед ним стояли двое адептов Юньцзянь лет шестнадцати-семнадцати. Один сжимал рукоять меча, другой вертел в руках рогатку.

— Эй, так это ты тот нищеврод, которого приютил старший дядя? Мы... — начал было один из них, задрал нос, но Цинь Фэн просто проигнорировал их и побежал дальше.

— Стой! — обиженно крикнул парень ему в спину. — Мы твои старшие братья! Видишь нас и даже не думаешь поклониться? Сразу видно, какой учитель, такой и ученик. Чу Ханьюэ набрал всякий сброд, вот ты и растешь невоспитанным.

Цинь Фэн резко затормозил. Он медленно обернулся и посмотрел на них снизу вверх. Ученики горы Юньцзянь обычно были хороши собой, но эти двое выглядели жалко — они выглядели подло.

— Кто позволил тебе называть моего наставника по имени?

Адепты знали, что Цинь Фэн — бывший попрошайка. Они частенько получали нагоняи от Чу Ханьюэ и решили выместить злобу на его подопечном, надеясь, что тот испугается. Но он стоял перед ними совершенно спокойный, несмотря на свою худобу.

— Что, жаловаться побежишь? Ты сам нас проигнорировал. Знай своё место: упади на колени, ударь челом о землю и извинись перед старшими, тогда, может, и отпустим.

Цинь Фэн подошел к ним вплотную.

— Кажется, мы с вами ровесники. Магию превращений уже учили? Я вот сегодня только начал.

Парни переглянулись и расхохотались.

— Мы учили это в шесть лет! А ты только спохватился?

— Да, сегодня был первый урок, — невозмутимо подтвердил Цинь Фэн. — Но предупреждаю: я человек злопамятный. Заберите свои слова назад, иначе, когда начнете реветь, не говорите, что я обижаю детей.

Подростки лишь презрительно фыркнули, и один из них ткнул Цинь Фэна пальцем в лоб.

— Мы-то думали, ты просто тощий доходяга, а ты ещё и дурачок. Думаешь, твои фокусы помогут тебе в драке?

— Наставник сегодня научил меня, как превращать одну вещь в другую.

Цинь Фэн небрежно указал пальцем на задир. Раздался негромкий хлопок, и вместо двух спесивых адептов на тропе оказались две жирные хрюшки, умеющие лишь испуганно похрюкивать.

Цинь Фэн с сожалением покачал головой, глядя на них:

— Жаль, на горе Юньцзянь запрещено мясо. Иначе я бы непременно пустил вас на жаркое.

Поросята задрожали от ужаса и, визжа, бросились наутек — жаловаться своему учителю.

<http://bllate.org/book/17570/1658586>